

ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛОКАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫЗОВА*

Человеческий потенциал анализируется на локальной территории с учетом развития общества в целом, внешних и внутренних вызовов. В статье рассматривается междисциплинарный подход к оценке эволюции человеческого потенциала, характеризующегося возросшей мобильностью и сменой возрастных когорт.

Ключевые слова: вызовы; локальная территория; человеческий потенциал; миграция; рынок труда; возрастные когорты

Antokhonova Inna Vladimirovna
 East Siberian State University of Technologies and Management, Ulan-Ude, Russia

EVOLUTION OF HUMAN CAPACITY OF LOCAL TERRITORIES IN THE CONDITIONS OF THE CIVILIZATION CHALLENGE

Human potential is analyzed in the local territory taking into account development of society in general, external and internal challenges. In article cross-disciplinary approach to assessment of evolution of the human potential which is characterized by the increased mobility and change of age cohorts is considered.

Keywords: challenges; local territory; human potential; labor market; age cohorts

** Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ 18-00-01335 КОМФИ «Экономическая отдача от человеческого капитала в цифровой экономике»*

Региональная тематика в новейшей экономической истории России вызывает возрастающий геополитический и научный интерес. Стратегическую значимость проблема ускоренной эволюции человеческого потенциала приобретает на приграничных территориях субъектов РФ в период посткризисной рецессии, в условиях усиления изоляции и экономических санкций Запада. Формирование, сохранение, воспроизводство человеческого потенциала регионального сообщества представляет основу развития и национальной безопасности локальной территории и страны в целом в условиях усиления внутренних и внешних вызовов в евразийском пространстве.

Новейшая экономическая история России началась с распада политического союза национальных республик и институциональных трансформаций: создания института частной собственности и приватизации предприятий, либерализации цен, стимулирования предпринимательства, внедрения международной методологии национальных счетов. В определенной степени это явилось ответом на вызовы глобализирующей экономики конца XX века. В статьях по региональной тематике [Антохонова, 2014–2017] выделены три условных периода: период 1991–1997 гг. в развитии экономики российских регионов характеризовался неполной адаптацией экономической системы к новым институциональным изменениям, медленной структурной перестройкой и острыми проблемами в социальной политике; переходный период 1998–2002 гг. после первого финансового кризиса завершился импортозамещением и развитием реального сектора экономики, в первую очередь, для нужд потребительского рынка; темпы роста потребительских расходов населения значительно опережали темпы роста инвестиций; период «благополучных» нулевых ознаменовался устойчивым ростом с самыми высокими темпами прироста валового внутреннего продукта.

Активный процесс разработки стратегий развития субъектов РФ в 2005–2007 гг, инициированный сверху, в основном базировался на экстраполяции наметившихся позитивных тенденций без учета цикличности рыночной экономики, прогноза будущих глобальных вызовов и необходимости адекватных ответов. Фактор циклического развития рыночной экономики по-прежнему не учтен до настоящего времени в обсуждаемой Стратегии Бурятии 2030.

К концу XX века активизировались междисциплинарные гуманитарные исследования, формируются концепции, обосновывающие цивилизационные различия экономического роста в либеральных экономических системах. По мнению Д. Норта эффективность экономических моделей на локальных территориях определяется различиями в институтах [D. North, 1990]. Несмотря на сильнейшее влияние запада цивилизационные различия, особенно проявившиеся в процессах модернизации в Китае, Японии, Корее, других странах Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, стали основанием разработки институциональных матриц (набора базовых структур институтов) типа X и Y [Александров, Кирдина, 2012, с.9-10]. Институты X-матрицы (унитарность, коллективизм, общие ценности) сохраняются в России, странах Азии и Латинской Америки. Y-матрица (частная собственность, конкуренция, рыночная свобода, федеративность) доминирует в странах Европы и Северной Америки.

По мнению автора на приграничных территориях, примером является Бурятия, проявляется диффузия цивилизационных различий, столкновение Востока и Запада. По мнению Урбанасовой Е.Г. [] одним из важнейших аспектов цивилизационной идентичности России являются ее традиционные духовные идеалы и нравственные ценности. Они подверглись испытанию в XX в., находятся в сложном и противоречивом взаимодействии цивилизаций Запада и Востока. Результатом оценки

внутренних и внешних вызовов развитию локальных территорий явилось обобщение автором вызовов в виде единого *цивилизационного вызова* устойчивому пространственному развитию национальных экономик [Антохонова, 2017, с. 94]. Цивилизационный вызов определяется тем, что в связи с развитием цивилизации ведет к возрастанию угрозы безопасности природы, человека и общества и предполагает ту или иную форму реакции человека на эту угрозу [Яценко, 1999]. В документе ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» все 17 целей можно отнести к экологии человека и общества. В этом утверждении полностью проявляется междисциплинарный характер современных исследований, включающий социологию, психологию, экономику, статистику, демографию, информатику, и т.д. Цифровизация экономики, стремительно изменяющая аналоговую сферу производства, вытесняющая живой труд в сфере банковских, страховых, государственных и прочих услуг, рост конкуренции и концентрация бизнеса высвобождают человеческие ресурсы, сокращают занятое население, выталкивают миграционные потоки из регионов в поисках развитых рынков труда.

Взаимосвязанные экономические категории человеческого потенциала и человеческого капитала, лежащие в основе модернизационных процессов, требуют уточнения при исследовании человеческих ресурсов, являющихся важнейшей частью национального богатства территорий наряду с природными ресурсами. Внешние вызовы требуют достойного ответа, имеющего цивилизационное значение в соответствии с теорией локальных цивилизаций А.Тойнби. Внутренние вызовы сохранению целостности национальной экономики возникают при нарушении баланса в процессах вовлечения ресурсов в экономический оборот.

Фундаментальная проблема заключается в поиске новых знаний о характере, природе и скорости формирования и развития человеческих ресурсов, актуализации потенциала в условиях рыночной свободы и цифровизации экономики.

Общие характеристики современных ценностных изменений общественного сознания заключаются в отсутствии стратегических целей, имеют место конфликт ценностей, экзистенциальный вакуум, что позволяет говорить исследователям об

аксиологической депрессии и ценностной деформации общества [Урбанаева, 2017, с. 165]. По мнению автора, в современном российском обществе, в том числе в регионах, доминируют процессы, прежде всего, имеющие экономическую природу: получение перспективного образования, качественного здравоохранения, поиск развитого рынка труда, комфортного места проживания и воспитания детей, социально защищенной старости и т.д. [Антохонова, 2016]. Цивилизационные проблемы в условиях нестабильности и посткризисной рецессии уходят на второй план. Национальные, этнические, исторические корни и традиции иногда заменяются рыночными суррогатами, имитирующими символы в сфере досуга, развлечений, шоу-бизнеса, туризма. Значительное число трудовых мигрантов, выталкиваемых из сибирских и дальневосточных регионов в Корею, Вьетнам и страны Юго-Восточной Азии, объединяются на прежней уходящей культурной русскоязычной основе, не интегрируясь в окружающий социум [Кириченко, 2018, с. 88]. Однако эта основа характерна для возрастных когорт 30-50-летних мигрантов; новое поколение мигрантов, получающих зарубежное образование, ориентировано на иную институциональную модель.

Проблема заключается в необходимости выявления процессов, тормозящих и ограничивающих социально экономическое развитие регионов в открытом пространстве, и формировании стратегии движения к цели - устойчивому сбалансированному, гармоничному развитию общества на локальной территории.

Основная научная гипотеза автора заключается в усилении монетарных основ формирования и развития человеческого потенциала в рыночных условиях, по крайней мере, сохранения этой тенденции для основной части экономической активного населения. Проверка гипотезы о приоритетности модели экономического поведения в условиях рецессии, скорректированной на ментальные особенности, экологические регламенты и специфику региона, позволит выявить приоритеты в поведении и целеполагании отдельных страт и возрастных когорт регионального сообщества.

В таблице 1 систематизирован междисциплинарный подход к исследованию человеческого потенциала, локализованного на территориях.

Таблица 1

Методология исследования предметной области

Основные категории	Человеческие ресурсы	Человеческий потенциал	Человеческий капитал (интеллектуальный, эмоциональный)
Теория	Теория спроса и предложения на рынке труда	Качество жизни Теория институциональных матриц	Инвестиции в человеческий капитал, У-матрица
контекст	Устойчивость и национальная безопасность	Стратегические цели и прогноз спроса	Капитализация, рента, свобода
Источники данных	Официальная статистика (демографическая, сферы образования и здравоохранения) Статистика международных институтов (ООН, Всемирного банка и пр.) Данные миграционной службы	Онлайн интернет-ресурсы Данные службы занятости, рекрутинговых агентств Данные опросов ВЦИОМ, Аналитического центра Ю. Левады и прочих организаций	Данные университетов, Научных центров, Пенсионных фондов, страховых компаний, Рейтинговых агентств (РА «Эксперт» и др.)

Показатели	Численность населения, (возрастная, гендерная структура; Численность трудоспособного, экономически активного, занятого, безработного населения Сальдо миграции, миграционный прирост, структура мигрантов (возраст, образование, сфера занятости, период пребывания)	ИРЧП Индекс человеческого развития (с 2013г)	Стоимость рабочей силы Средняя заработная плата Мобильность человеческого капитала Рейтинг профессий Востребованность профессий на рынках труда
Подходы	Хронологический, Когортный, стратифицированный	Цивилизационный, гуманитарный	Дифференцированный экономический
Методы исследования	Контент-анализ с использованием различных источников, балансовые методы, описательная статистика, временные ряды (тренды с выделением релевантных периодов и циклов)	Интеллектуальный анализ слабоструктурированных онлайн данных с сетевых площадок локальных рынков труда Гравитационные модели, полевые исследования, индексы Морана, (опросы, выборочные обследования), факторные модели	Эконометрические модели Системы одновременных уравнений Индикаторы Мониторинг «токсичных»* показателей Аналитическая статистика, факторные модели

* Показатели, превышающие предельно допустимые индикаторы

Междисциплинарный подход к исследованию человеческого потенциала обоснован стремительными процессами интеграции в мировое сообщество, изменением содержания и качества межпоколенческого взаимодействия, эволюцией института семьи, гендерных ролей. Результаты масштабного статистического исследования процессов модернизации семьи в России и Китае, выполненного коллективом под научном руководством Елисейевой И.И., представлены в издании [Елисейева, Суй, 2015].

Пространственные исследования взаимодействия локальных территорий основаны на гравитационных моделях, экономической географии, глобальных и локальных индексах Морана [Zhang, Lin, 2016], [Павлов, Королева, 2014]. Индексы позволяют определить зоны притяжения и взаимного влияния, однако, локальные территории должны характеризоваться достаточными плотностью населения и масштабами центров (агломераций, мегаполисов).

Обоснование подходов и разработка модели выявления вызовов посредством оценки информационных потоков предполагают ресурсы для ответа [Antokhonova, Bryukhanova, Goryunova,

2017, р. 7]. Оценка информационных потоков позволит выявить вызовы на уровне слабых и средних сигналов для принятия мер адекватного ответа на сильные сигналы, практически преобразующиеся в угрозы устойчивого развития. Модель становится системой поддержки при разработке стратегии трансформации территории вместо адаптационной стратегии.

В настоящее время основной когортой, вступившей в период экономической активности, является поколение, родившееся в 70-80 годы. На 1 января 2017 г. население в возрасте 25-44 года составляет 45811 тыс. чел, или 31, 2%, в то время как до 24 лет составляют 40066 тыс. чел. или 27, 3%, а в возрасте старше 45 лет 60747 тыс. чел. или 41,4% [http://www.statdata.ru/nasel_pol_vozr].

Гендерная структура характеризуется превышением численности мужчин в молодом возрасте, балансом в возрастной группе 30-39 лет, года, возрастающим превышением численности женщины в старших возрастных группах. Структура характерна для России, отражает «эхо второй мировой войны» и тенденции переходного периода в 90-е годы, рис. 1.

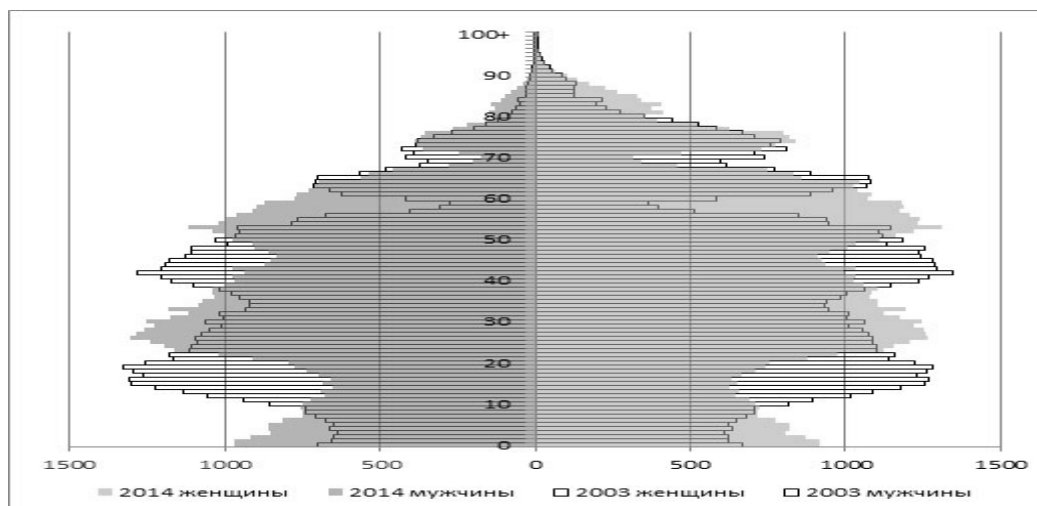

Рис. 1. Население России по полу и возрасту, 2003 и 2014 гг., на начало года, тыс.чел.
(<http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0703/analit03.php>)

Ментальность населения страны зависит от возрастной, гендерной и образовательной структуры. В регионах России в настоящее время наблюдается доминирование возрастной когорты 30-50 лет, имеющей опыт советского прошлого, на смену которым придет весьма незначительная когорта 17-25-летних, которые уже родились в рыночное время и имеют иные ценности.

Имеются существенные различия доли молодого населения по государствам в евразийском пространстве. Динамично развивающиеся азиатские государства имеют в возрастной структуре населения значительную часть совсем молодого населения, от 25% до 33%, которое будет

формулировать повестку дня в период до 2050 года. Доля молодого населения в России и ее регионах существенно ниже (табл.2).

На основе межстрановых сопоставлений показана взаимосвязь устойчивых ментальных образцов или социальных представлений, выявляемых на микроуровне, с институциональной средой общества, характеризующей макроуровень. Основу сопоставления составляют мультидисциплинарный подход и системная парадигма. Молодое население по ментальности ближе к институциональной Y-матрице, однако, оно немногочисленное и характеризуется миграционной мотивацией.

Таблица 2

Возрастная структура населения России и стран Азии (Михаил Павлов, 2007-2014, <http://www.mir-geo.ru/>)

Страна	Население страны в возрасте (лет) в %			Плотность населения, чел./кв.км	Средняя Продолжительность жизни, лет
	До 14	15-64	Старше 65		
Россия	17,41	69,78	12,81	8,39	69,8
Казахстан	26,73	66,03	7,24	5,96	67,35
Беларусь	17,93	68,21	13,86	45,61	70,2
Монголия	32,99	63,13	3,88	1,77	67,05
Китай	25,01	67,88	7,11	139,57	72,95
Южная Корея	21,59	71,14	7,27	501,37	75,36
Япония	14,64	67,83	17,53	337,16	82,15
Северная Корея	25,52	67,63	6,85	199,03	72,0

Кроме Японии структура населения характеризуется высокой долей молодежи, феноменом является Монголия. Уже сейчас они доминируют в корпорациях, банках, ИТ-компаниях, в государственных органах управления, легко реализуют экономику знания. Объективная оценка и мониторинг возможны на основе показателей и индикаторов, которые должны удовлетворять требованиям улавливания тонкой структуры, изменения характера тенденций, возникновения качественно новых паттернов поведения, самоидентификации, снижения психологических, социальных и экономических рисков.

В настоящее время наблюдается смена поколений человеческих ресурсов, сформированных в ином обществе на поколение, личностное становление которых произошло в новейшей истории России и ее регионов. Наличие информационного пространства способствует конвергенции социальных групп в социальных сетях в отличие от реальной дифференциации и дивергенции субобществ, ускоряет распространение опыта и моделей идеализации религиозных конфессий, миграционного поведения, развития карьеры, создания семьи и воспитания нового поколения. Исследование процессов модернизации, происходящих в России и Китае, проявляющееся в макроэкономических показателях, имеет глубокую социальную основу [Елисеева, 2015].

Основная стратегия экономики России в переходный период была основана на адаптационном механизме, что находило выражение в социальной поддержке населения, дотациях и субсидировании субъектов, реализации крупных

национальных проектов, финансируемых государством. Во многих исследованиях по-прежнему анализируется, в том числе инерционный вариант развития регионов Дальнего Востока и Забайкалья [Фролов, 2013]. Необходимо изменение в мышлении и целеполагании с учетом новых трендов, происходящих в информационном пространстве, технологиях, достаточно быстро выходящих на массовый рынок, масштаба вовлечения домохозяйств в национальную экономику.

Представляется, что усиление межрегиональной и международной конкуренции требует стратегии трансформационного характера. Это предполагает объективную экономическую оценку человеческих ресурсов, мониторинг человеческого потенциала на основе онлайн-данных, мотивации и векторов трудовой мобильности с целью монетизации составляющих человеческого капитала и их вовлечения с четкой дифференциацией сберегающего или интенсивного характера.

Стоит выделить в ментальных моделях когнитивное пространство, содержащее структурированную совокупность знаний и представлений индивидуума лингвокультурного сообщества. Его развитие мотивировано продвижением современных коммуникаций во все страны общества. Уместно сослаться на пример Сингапура и их уникального лидера, дорожная карта трансформаций в сложнейших геополитических условиях была продиктована «горячим желанием изменить несправедливое общество к лучшему» [Ли Куан Ю, 2010]. Одним из нововведений было массовое насаждение английского языка в среде китайского этноса, что трансформировало и

интегрировало когнитивное пространство сингапурцев в глобальное пространство. Решение о придании английскому языку статуса государственного откладывалось в течение 1965-1978 гг.

В XXI веке многие экономисты полагают, что с постепенным угасанием старых индустриальных центров в Европе и на востоке США центр мировой экономической активности может перенестись в Азиатско-Тихоокеанский регион, т.е. страны, расположенные по периметру Тихого океана и многочисленные островные государства в самом океане.

В регионе представлено большое разнообразие экономик и ресурсов: динамично развивающиеся Гонконг, Тайвань и Сингапур, высокие технологии Японии, Кореи, Тайваня и запада США, природные

ресурсы Австралии, Канады, Филиппин и российского Дальнего востока, человеческие Китая, Индии и Индонезии, высокая сельскохозяйственная производительность Чили, Новой Зеландии, Филиппин и США. Вектор гравитационного притяжения для России, в том числе восточных регионов, не вызывает сомнения.

Преимущества внутренних государств Евразии заключаются в природно-ресурсном богатстве, возможности пространственного маневра, большом социуме. Применительно к России и ее регионам, даже державная идентичность может стать сильной стороной, но при условии вовлечения человеческих ресурсов в единое когнитивное пространство, сохранении географических и стирании ментальных границ.

Литература

Антохонова И. В. Цивилизационный вызов устойчивому развитию Байкальского субрегиона в евразийском пространстве // Байкал как участок всемирного природного наследия: 20 лет спустя: материалы Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017, С. 93-96.

Antokhonova I. V. Mental bases of national security of the Baikal subregion in the Euroasian space. Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 9. № 11. С. 2756-2764.

North D. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge University press, 1990.

Александров Ю. И., Кирдина С. Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход. Социологические исследования, 2012, № 2, С. 3-12.

Урбанаева Е. Г. Аксиологические основания цивилизационного самоопределения России. Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2017, № 4 (28), С.161-166.

Antokhonova I. V., Bryukhanova V. B., Goryunova L. A. Methodology for the identification and analysis of the transformation of the challenges of spatial development. International Journal of Economic Research. 2017. Т. 14. № 7. Р. 13-22.

Кириченко С. В. Мигранты из постсоциалистического пространства в Южной Кореи. Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2018, № 1 (29). С. 85-89.

Семья в России и Китае: процесс модернизации/ под ред. И. И. Елисеевой и Аньци Суй. – СПб.: Нестор-История, 2015. 720 с.

Zhang T., Lin G. On Moran's I coefficient under heterogeneity. Computational Statistics & Data Analysis, 2016, Volume 95, P. 83-94.

Павлов Ю. В., Королева Е. Н. Пространственные взаимодействия: оценка на основе глобального и локального индекса Морана. Пространственная Экономика. 2014. № 3. С. 95—110

Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy. 1991. Vol. 99. № 3. P. 483–499.

Фролов Д. П. Многоуровневая иерархия экономического пространства: формирование эволюционной таксономии // Пространственная экономика. 2013. № 4. С. 122–150.

Ли Куан Ю. Сингапурская история. 1965–2000 гг. Из третьего мира – в первый. М.: МГИМО- Университет, 2010.

Downie R. (2016, January 24). 3 Economic Challenges Russia Faces in 2016. Retrieved December 18, 2016, from www.investopedia.com/articles/investing/012416/3-economic-challenges-russia-faces-2016.asp.